

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ КАК ИСТОЧНИК НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В КОНЦЕПЦИИ МИШЕЛЯ КРОЗЬЕ

Козлова И.А.

МГИМО (У) МИД России, г. Москва, Россия (119454 Россия, Москва, проспект Вернадского, 76), e-mail: irinakozlova.politstudies@gmail.com

Структурно-функциональный анализ нуждается в развитии и совершенствовании для того, чтобы отражать наибольшую степень реальности функционирования системы общественных, и, в том числе, властных отношений. Одним из центральных вопросов исследования социальной системы, генерирующей властные отношения, является вопрос изменения, развития, реформирования самой системы, и, прежде всего, элементов этой системы, то есть, тех, кто будет осуществлять само реформирование. Французский политолог Мишель Крозье, понимая необходимость рассмотрения этого вопроса, погружается вглубь системы с тем, чтобы определить роль элементов системы, акторов, индивидов. С точки зрения М. Крозье реформирование, которое является центральной проблемой развития социальной системы, должно начинаться с изменения самих реформаторов. Эта мысль должна быть расширена и дополнена в том смысле, что реформаторами должны выступать не только чиновники, от которых массы ждут внедрения новых ценностей и новых принципов, а реформаторами должен стать каждый индивид, напрямую воспринимая требуемые ценности. Для того чтобы обозначить место аксиологической составляющей в развитии социальной системы, в том числе в рамках концепции Крозье предлагается ввести уровни социальной системы в трех уровнях: мегауровень, макроуровень и микроуровень. Ценности, структурные элементы мегауровня являются мощнейшим источником неопределённости, являющиеся тем более значимым средством для приобретения свободы (увеличения "параллельной власти"), чем более структуры макроуровня стремятся дистанцироваться от них. Принимая ценности без посредничества иерархической власти, микроуровень может сыграть решающую роль в развитии системы в целом. Если элементы микроуровня будут коррелировать с элементами мегауровня, пользуясь ими как источником неопределённости, у системы будет значительно больше возможностей к развитию, поскольку макроуровень будет вынужден принимать намечаемый двумя другими уровнями вектор развития.

Ключевые слова: социальная система, рациональность, актор, мегауровень, макроуровень, микроуровень, управленческий архетип, аксиологический компонент, источник неопределённости, концепция М.Крозье.

AXIOLOGICAL COMPONENT AS A SOURCE OF UNCERTAINTY IN THE CONCEPT OF MICHEL CROZIER

Kozlova I.A.

Moscow State University of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia (119454, Russia, Moscow, Vernadskogo prospect, 76), e-mail: irinakozlova.politstudies@gmail.com

Structural-functional analysis needs to be developed and improved in order to reflect, to the greatest degree of reality, the functioning of the public system, including power relations. One of the central questions of research into social systems and the generation of power relations is the issue of change, of development, and of reform to the system. Above all else, it is understanding the elements comprising this system and those who will implement the reforms. The French political analyst Michel Crozier, realizing the need to address this issue, offers a profound analysis of the system in order to determine the role of the system elements, actors and individuals upon themselves. From the point of view of M. Crozier, reform, being the central problem in the development of the social system, must begin with a change of the reformers. In order to mark the location of the axiological component in the development of the social system, including within the concept, Crozier asks us to consider the social system on three levels: meta, macro and micro. The values of the structural elements of meta-level are the most powerful source of uncertainty, which is especially important tool for the acquisition of freedom; the more macro-level patterns tend to distance themselves from them. If the elements of the micro-level were to be correlated with elements of meta-level, the system will have significantly more opportunities for development. The macro-level will be forced to accept the proposed two other levels vector of development.

Keywords: social system, rationality, actor, meta-level, macro-level, micro-level, managerial archetype, axiological component, a source of uncertainty, the concept of M. Crozier.

Структурно-функциональному анализу, доминирующему в современных международных исследованиях, присущ ряд недостатков, налагающих существенные ограничения на использование этого теоретического подхода. Во-первых, он сталкивается со сложностью при объяснении причин и закономерностей развития сложных систем. Во-вторых, встает проблема сложности структурных компонентов изучаемого предмета, которая находит свое отражение, например, в том, что «действующее лицо не принимает участие в качестве целостной сущности» [12]. Последнее существенно сужает границы исследования, и как правило, не позволяет проследить все функции субъекта действия.

Функциональный подход Мишеля Крозье позволяет преодолеть традиционные недостатки, присущие работам ряда исследователей предыдущего поколения – таких как Л. Уайт и А. Файоль [22], и в то же время он остаётся представителем парадигмы структурного изучения общественных процессов. Тем не менее, он не всегда позволяет выявить те функции, которые временно остаются в непроявленном, латентном состоянии.

Так, Крозье, даже отходя от схематичности предшественников, всё же делает чересчур значительный упор на «рациональный расчёт» [18], не уделяя достаточного внимания иным движущим силам, оказывающим влияние на деятельность индивидов в рамках социальной системы. Крозье, не решаясь пересмотреть основополагающие положения относительно роли рациональности, тем не менее стремился обогатить само это понятие. В частности, он отмечал: «Речь идет о совершенно иной, чем пятьдесят лет назад, рациональности. Рационалисты классической научной организации смотрели на членов организации как на простые винтики машины, а не как на человеческие существа. Для них исполнитель был просто рукой. Движение «человеческих отношений» показало, что эта точка зрения недостаточно верна, что исполнители — также чувственные существа...» [18]. И всё же Крозье упускает из внимания такой важный - в том числе и для понимания «рационального расчёта» - аспект как значение ценностей, воздействующих на решения и действия субъектов в качестве базовых элементов одного из уровней системы (стоит отметить, что в отечественной науке роль ценностей получила достаточно широкое освещение [4]).

Представляется, что начатая Мишелем Крозье работа по гуманизации структурно-функционального анализа, должна быть продолжена в целях раскрытия аксиологической составляющей, являющейся важным источником неопределённости [18] для системы.

Для того чтобы обозначить место аксиологической составляющей в развитии социальной системы, в том числе в развитии концепции Крозье (для этого мы лишь несколько расширим ее рамки, наметив иной аспект проблематики), определим уровни социальной системы в следующем виде:

1) мегауровень - уровень, в котором в качестве структурных элементов выступают ценности, имеющие, помимо собственно аксиологического, также ещё и онтологический аспект, о котором писали такие исследователи как В.П. Бранский [2], П.И. Новгородцев [9];

2) макроуровень, базовыми элементами которого являются властные, бюрократические институты ("иерархическая власть" по Крозье);

3) микроуровень, элементами которого выступают индивиды, члены отдельной социально-политической группы.

Исследование системы в указанном ключе выбрано нами по двум причинам. Во-первых, подобное трёхчастное деление системы утвердилось в социологии и представляется широко признанным как минимум с середины XX столетия Т. Парсонс [10]. Кроме того, оно находит отражение в концепции самого Мишеля Крозье, для которого такие составляющие как индивид, институты и «правила игры» представляются основополагающими. Во-вторых, нашей целью остается более полное раскрытие значения недостаточно проанализированного Крозье феномена, влияющего на функционирование системы и выступающего в качестве источника неопределённости – речь идёт об аксиологическом компоненте.

Крозье, определив «правила игры» в качестве одного из основных движущих сил, определяющих и ограничивающих поведение субъектов, оставил неразработанным в деталях вопрос их возникновения. Подобное положение не осталось незамеченным его критиками. «Если есть игра, то необходимо объяснить, кто или что определяет правила игры,» – отмечал А. Кайе [16].

Представляется, что источник их возникновения – ценностные установки участников. Таким образом, мегауровень системы образует совокупность ценностей, характерных для общества, хранилище его архетипов, формировавшихся на протяжении истории развития народа. Мегауровень, в том числе определяет форму отношений властвования, включая в себя один из основополагающих регулирующих параметров системы – «архетип управления» [17].

Поскольку на протяжении своего развития система неоднократно испытывает периоды нестабильности, генерируя различные ценности, для большинства обществ характерно сосуществование множества допустимых вариантов развития. В условиях идейного плюрализма отдельные элементы как на макро-, так и на микро-уровнях могут испытывать влияние разных, в том числе противоположных по своей направленности аксиологических конструктов.

Индетерминизм развития системы определяется тем, что за индивидами остается возможность выбирать идеалы, содержащиеся в мегауровне. При этом институты макроуровня (те, которые стремятся к созданию идеологических систем – прежде всего

органы государственной власти) претендуют на посредничество между ценностными структурами и индивидами и в этом качестве стремятся осуществлять фильтрацию допустимых идеологических установок. В то же время их деятельности может оказаться недостаточно для эффективного отслеживания всего комплекса воздействий мегауровня на микроуровень.

В результате, структурные элементы мегауровня остаются мощным источником неопределённости, способным вызвать нестабильность системы. Подобная вероятность актуализируется в случае, если значительное количество индивидов станут носителями ценностей, противоречащих идеалам, одобренным бюрократическими институтами. Примерами могут служить как ставший классическим случай французской революции, начавшейся в 1789 года, так и события на Украине, начавшиеся в 2014 году.

Сталкиваясь с опасениями дестабилизации бюрократические организации стремятся минимизировать возможности «вторжения» несанкционированных макроуровнем аксиологических установок в публичное пространство, следуя словам Шатобриана, утверждавшего, что «нашествие идей может оказаться опаснее, нежели нашествие варваров» [15].

Перечислим некоторые из способов, с помощью которых бюрократический аппарат стремится обезопасить себя от распространения недопустимых для макроуровня ценностей. Одним из приемов, направленных на предотвращение распространения в обществе нежелательных идей, становится усиление идеологического компонента в образовательной и прочих отраслях государственной политики. Особенно важен этот момент в современной России, где вопрос о возвращении идеологии, находившейся фактически под запретом, вызывает серьёзную полемику [3]. Другим – остается монополизирование государством права законодательства (как правило – при сохранении видимости демократического процесса), к каковой монополии уже привыкли, хотя она существовала далеко не всегда. Третий способ состоит в демонизации наиболее опасных для бюрократии ценностей как вредных и даже опасных для общества, а то и для человечества в целом. Причём в истории, в том числе – в истории России, есть примеры того, что даже наиболее высокие и прогрессивные ценности могут быть объявлены властью вредными для общества [1].

Ещё один – парадоксальный – способ заключается в том, чтобы вызвать иллюзию о технократической природе бюрократии, пребывающей за пределами борьбы ценностных установок – этот процесс можно наблюдать в современной Франции, о чём писал Мишель Крозье [18]. Крозье упоминал о возникающем в этой связи противоречии, отмечая невозможность разделения сфер жизнедеятельности общества. Он считал ложными

утверждения, представляющие, что ценности принадлежат только социальной области, а, к примеру, к экономике они не имеют никакого отношения.

В то же время такое заблуждение, характерное в том числе и для ряда исследователей требует более пристального внимания, тем более, что оно зачастую применяется и собственно к научным практикам. Игнорирование, а зачастую и сознательное отрицание аксиологического компонента (обращение к аксиологическому подходу некоторые специалисты считают чуть ли не дурным тоном, недостойным внимания науки) означает исключение из поля анализа одной из значительнейших составляющих развития социальной системы.

В частности, французский социолог Клод Лефор стремясь показать аксиологическую индифферентность бюрократических структур, в частности, приводил следующие примеры: «Государственная бюрократия приспосабливается к самым разным режимам, доказательством чему является пример Франции, где она остается замечательно устойчивым феноменом со времен Первой Империи. Подтверждение того же факта находим и в том, что в периоды войн бюрократический персонал завоеванных стран совершенно естественным образом используется иностранными властями и продолжает выполнять свои административные функции. Бюрократия в принципе индифферентна к интересам и ценностям, которые отстаивает какой-либо политический режим» [21].

Соглашаясь с фактами, приводимыми исследователем, нужно обратить внимание на то, что они могут служить основой для совершенно иных выводов. Основные аксиологические установки, лежащие в основе политических режимов во Франции, начиная с Первой империи и заканчивая Пятой республикой, несмотря на привнесение или элиминирование ценностей второстепенных, могут остаться прежними (наиболее существенными из них можно назвать выхолощенность и формализм, являющиеся востребованными в современном мире практически при любых режимах. С одной стороны, подобная позиция бюрократии создаёт впечатление основательности и постоянства, но, с другой стороны, открывает исследователю всю свою беспочвенность и вынужденную замкнутость [17], порождаемую отсутствием конструктивных аксиологических форм.

Необходимо заострить внимание на этом стремлении бюрократии к выработке такой детальной идеологической системы, которая, перерабатывая архетипические ценности (как революционные, так и традиционные, развивавшиеся из обычного права, королевских законов, права городских коммун и других источников), низводит их до мёртвой буквы в запутанном своде правил, регламентирующих повседневную жизнь социума. Появляющееся на выходе состояние Крозье характеризовал как «бюрократическое безумие» [17]. Принципы этатизма, использование оппозиции «свой-чужой» или архетипа «мудрого старца» в

отношении главы государства представляют лишь малой частью тех идеологических конструктов, которые используются в качестве аксиологической основы в практически любом государстве. В этой связи даже в случае оккупации одним государством другого бюрократическая машина, генерирующая развившуюся из указанных и ряда прочих ценностей нужную ей аксиологическую систему, сможет даже при смене власти, по-прежнему, ровно и бесперебойно исполнять свои функции.

За социальными структурами, выделившимися из общества и поставившими себя над ним, то есть так или иначе оформившимися в макроуровень системы, традиционно признаётся право если не генерирования, то по меньшей мере оформления основополагающих ценностей общества, регламентирующих его жизнедеятельность и обеспечивающих нормальное его функционирование. Вплоть до Нового времени в большинстве обществ это право делили между собой духовная и светская власти. Причём первая как правило доминировала в борьбе за выработку ценностных основ социума [11]. Право царей и иных представителей воинского сословия на определение аксиологических приоритетов, по сути, не меняла такого распределения власти, поскольку в традиционном и средневековом обществах почти повсеместно они были тесно связаны с сословием священнослужителей, зачастую занимая высшие позиции в духовной иерархии

Процесс секуляризации социальной жизни утвердил право на определение аксиологических приоритетов за извечным конкурентом духовенства – светской властью, сформировавшей бюрократический аппарат, который и стал оператором этой функции. Поскольку монополизация определения ценностных основ жизнедеятельности общества представителями замкнутых и отчужденных от общества организаций прочно вошла в «архетип управления», бюрократии удалось относительно легко сохранить за собой это право, а массам – перенести свои ожидания в аксиологической сфере на новую прослойку секуляризованного общества. Бюрократическому аппарату, по сути, не пришлось завоёвывать то право, которое духовенству зачастую приходилось отстаивать в непростой борьбе.

Кроме того, ряд присущих ему характеристик – таких как замкнутость, привилегированность, торжественность, церемониальность, обозначение избранничества круга бюрократов – ещё более укрепили среди населения представления о бюрократии как преемнике иератического сословия. «Всеобщий дух бюрократии есть тайна, таинство. Соблюдение этого таинства обеспечивается в её собственной среде её иерархической организацией, а по отношению к внешнему миру — её замкнутым корпоративным характером» [7], – отмечал К. Маркс, и до сегодняшнего дня его слова остаются актуальными.

Одновременно, от иерархической власти, принадлежащей бюрократии, в социуме ждут приверженности тем ценностям, которые считают «высокими». Любые ее попытки дистанцироваться от них не встречают понимания в обществе. Вовсе неправомерно считать, будто от власти ожидают лишь «рационального расчёта». По мнению представителей общества, бюрократия должна руководствоваться, в том числе моральными ценностями [8].

Устойчивость этих ожиданий подтверждает необходимость для любых политических групп претендующих на власть, обращаться в своих лозунгах (революционных или предвыборных) к «высоким ценностям». Одновременно, мы можем наблюдать, насколько негативно относится электорат к члену бюрократической системы, запятнавшему себя скандалом, и чем более высокую ступень в иерархии занимает такой чиновник, тем больший резонанс находит его дело в обществе. Примеры пристального внимания общества к получившим огласку скандальным эпизодам личной жизни Доминика Стросс-Кана, Билла Клинтона и прочих политиков становятся ярким тому подтверждением. Более того, само распространение у обывателей негативных коннотаций, связанных с понятием «бюрократии», следует интерпретировать как ещё одно доказательство того, что от власти ожидают значительно большего, в сравнении с тем, что она являет собой на сегодняшний день. Критику вызывает неспособность к изменениям в соответствии с заданной высокой моральной планкой.

Как бы критично не относились обыватели к власти, от неё ждут движения, параллельного общему вектору системы - тому, каким он видится индивидам. Для гармоничного развития общества как динамичной системы, все три уровня должны развиваться в едином направлении. Именно для того, чтобы контролировать возможные девиации, бюрократия пытается с помощью идеологии свести к минимуму воздействие ценностей как источников неопределённости. В этой связи, когда некоторые аксиологические установки воспринимаются значительной частью граждан как очевидные, их воплощения в социальных практиках ждут от бюрократической системы, и, соответственно, к власти обращаются призывы проводить в жизнь обеспечивающую их реализацию политику.

Примером обострения социальных ожиданий могут служить волнения во Франции в 1968 году [13].

Анализ лозунгов и призывов, обращённых к правящим кругам, показывает, насколько общество зависимо от бюрократического аппарата. Даже те ценности, для воплощения которых вполне можно (и даже нужно) обойтись без иерархической власти, индивиды не могут (или не хотят) принимать и перерабатывать лишь собственными силами, им необходимо, чтобы за них это сделала система. Такие лозунги как «Творчество,

Непосредственность, Жизнь!», «Вся власть - воображению!» и другие подобные им, несмотря на то, что должны иметь адресатом лишь каждую непосредственную личность, всё же были политизированы и обращены к бюрократическому аппарату.

Подобное положение обусловлено устойчивым «управленческим архетипом», характерным для большинства обществ и человеческой цивилизации в целом. В этой связи Крозье отмечал, что «В теории мы ещё продолжаем сакрализовать Государство и высших функционеров» [19]. Сохранение отношения к бюрократии как к иератическому сословию заставляет массы ждать от власти системного внедрения требуемых ценностей.

В то же время достаточно примеров того, насколько бюрократия демонстрирует свою несостоятельность в аксиологической сфере. Она проявляется в процессе отчуждения ценностей и замены их идеологией [6]. Последняя представляется суррогатом ценностной системы и лишь тормозит, а не способствует реализации в жизни декларируемых аксиологических установок.

Подобное положение отразилось в событиях 1968 года. Лозунги этих протестов отражали просьбы общества к правительству об изменении положения в стране, в то время как выступления против непосредственно правительства не являлось лейтмотивом выступлений [14]. Такие слоганы как «Социализм без свободы - это казарма!» или «Ни роботов, ни рабов!» вовсе не противоречили основам официальной идеологии и не имели целью свержение власти.

Выступая, напротив, подтверждением и развёртыванием республиканской идеологии, они ставили целью добиться того, что государство уже давно провозгласило, но медлило с исполнением. Массы желали реального воплощения ценностей, против которых власть не могла ничего возразить, поскольку требования вписывались в социальную политику государства. Что могло возразить правительство, например, на лозунг «Университеты – студентам, заводы – рабочим, радио – журналистам, власть – всем!» – ведь подобные идеи лежали в основе республиканского строя Франции.

Если бы власть поддержала требования масс, то есть, стала бы воплощать то, что издавна провозглашала сама, ситуация не стала бы кризисной, революционной. Однако бюрократический аппарат на всех уровнях продолжал прежний курс, ведь уступить требованиям означало сломать его функционирование. Хотя массы не протестовали против верховной власти, недовольство средним звеном бюрократического аппарата вырисовывалось весьма чётко, и такие лозунги, как «Ты нужен боссу, а он тебе - нет!» или «Профессора, вы нас старите!» бросали вызов устоявшейся бюрократической системе.

Французские события показали насколько бюрократия в качестве структуры макроуровня обособилась от микро- и мега- уровней, обретя вместе с тем внутреннюю

цельность и монолитность. Высшие функционеры не желали прислушиваться к массам. Государственные институты пошли на прямое противостояние обществу (во всяком случае наиболее активным его представителям) и тем аксиологическим установкам, которые лишь формально ими провозглашались, будучи включены в официальную идеологию в качестве «фасада».

В ответ на такую сплоченность последовала возникновение протеста против бюрократической системы в целом. Только когда руководство страны во главе с де Голлем дали понять, что оно ни во что не ставит требования масс, последние восстали и против высшей власти. Вместе с тем так как власть продолжала отстаивать ряд близких французам ценностей и использовала запугивание менее решительной части общества перспективой «коммунистической тирании», часть населения осталась верной президенту и его политике.

События 1968-го года подтверждают, что не стоит переоценивать значение «рационального расчёта» и в действиях протестующих. Да, они ставили перед собой зачастую материальные цели, обусловленные личной выгодой (что отразилось в популярных лозунгах: «Тысячу франков - не меньше, 40 часов - не больше!», «Даёшь гарантию занятости!»). В то же время мотивы выступавших не сводились к ним, и в лозунгах того периода значительную роль играют ценностные аргументы. Появление в лозунгах протестующих таких концептов как «творчество», «невозможное», «воображение» доказывает возрастание источников неопределённости для общественной системы.

Крозье высказывает мысль, что реформирование, являющееся центральной проблемой развития социальной системы, должно начинаться с изменения самих реформаторов [19]. Эта мысль должна быть расширена и дополнена в том смысле, что реформаторами должны выступать не только чиновники, от которых массы ждут внедрения новых ценностей и новых принципов, а реформаторами должен стать каждый индивид, напрямую воспринимая требуемые ценности.

Ценности представляются мощнейшим источником неопределённости, но, одновременно, и тем более значимым средством обретения свободы, в условиях, когда структуры макроуровня стремятся дистанцироваться от них. Акцептируя ценности без посредничества иерархической власти, индивиды могут сыграть решающую роль в развитии системы в целом. Ведь в том случае, если элементы микроуровня будут коррелировать с элементами мегауровня, пользуясь ими как источником неопределённости, у системы будет значительно больше возможностей к развитию, поскольку бюрократия будет вынуждена принимать намечаемый двумя другими уровнями вектор развития.

В таком случае «косвенная стратегия изменения», на которую делает ставку Крöße [20], окажется значительно более продуктивной, и количество «чувствительных точек системы» начнет значительно увеличиваться.

На сегодняшний же день зависимость масс чересчур сильна. «Люди, в сущности, могут обойтись без управления не больше, чем без еды, питья и сна. Эти политические животные нуждаются в организации, то есть, в порядке и вождях» [5], - говорил де Голль, и до сих пор его слова подтверждаются. Однако это не значит, что ситуация не может измениться. В противном случае замкнувшаяся в себе бюрократическая система, скрываясь за «фасадной демократией», будет генерировать лишь ничего не значащие идеологические клише, а люди будут по-прежнему ожидать, когда же воплотятся неизменные слова главного лозунга Франции – «Свобода, равенство, братство!»

Список литературы

1. Антонов-Овсеенко А. В. Портрет тирана. - М.: Грэгори Пэйдж, 1994. – 479 с.
2. Бранский В.П. Искусство и философия. Калининград, 1999.
3. Вишневский Б. Возвращение 6-й статьи // Новая газета. - № 124. – 16.11.2013. Электронный ресурс: <http://www.novayagazeta.ru/politics/60979.html>
4. Войтоловский Ф.Г. Проблематика глобального управления в западной политологии // Международные процессы. - 2005. - № 1.
5. Голль де, Ш. На острие шпаги. М.: Европа, 2006. С. 96.
6. Мангейм К. Идеология и утопия [В 2 ч.] - АН СССР. Ин-т науч. информации по обществ. Наукам. – М.: 1976.
7. Маркс К., Энгельс Ф. К критике гегелевской философии права // Соч. - Т. 1. М.: Гос.изд-во полит. лит-ры, 1955. - С. 272
8. Новгородцев П.И. Государство и право. //Вопросы философии и психологии. М., 1904. Кн. 75, с. 510-511
9. Новгородцев П.И. Нравственный идеал в философии права // Проблемы идеализма. М., 1902.
10. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996. [494-513].
11. Фюстель де Куланж Н.Д. Гражданская община древнего мира. СПб, 1906. С. 203-206.
12. Санжаревский И.И. История, методология и техника исследования проблем общества и личности в социологии. - Тамбов, 2012. – 432 с.

13. Семенов А. Л. Левое студенческое движение во Франции (1956—1968 гг.). — М.: «Наука», 1975. — 245 с.
14. Спесивцева С.Н. Лозунги и плакаты как отражение революционной ситуации 1968 года во Франции // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре Государственного технического университета. Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, 2010 № 4, том 2. С. 99.
15. Шатобриан де, Ф.-Р. Замогильные записки. - М.: изд-во им. Сабашниковых, 1995. — 736 с.
16. Caillé A. La sociologie de l'intérêt est-t-elle intéressante? // Sociologie du travail. P., 1981. 3. P. 267.
17. Crozier M. La société bloquée P. 1971. P. 94.
18. Crozier M. Le Phénomène bureaucratique. Paris, Editions du Seuil, 1963.
19. Crozier M. Etat moderne, Etat modeste. P. 1987. P 164.
20. Crozier M. On ne change pas la société par décret.P., 1979. P. 226.
21. Lefort Cl. Élément d'une critique de la bureaucratie. P., 1971. P. 294.
22. Fayol, Henri, Administration industrielle et générale; prévoyance, organisation, commandement, coordination, contrôle, Paris, H. Dunod et E. Pinat, 1916.

Рецензенты:

Алексеева Т.А., д.ф.н., профессор, зав. кафедрой политической теории МГИМО (У) МИД России, г.Москва;

Лазарев М.В., д.п.н., советник ректора РАНХ и ГС при Президенте России, РАНХ и ГС при Президенте России, г.Москва.